

ИСТОРИЯ

DOI: 10.17805/trudy.2015.5.3

**«АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ШАБЛОН» И ИСТОРИЧЕСКАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ (ДВА ПРИМЕРА ИЗ ЖИТИЙ
СВЯТОСАВСКОГО ЦИКЛА)***

С. В. Алексеев

(Московский гуманитарный университет)

Аннотация: Статья посвящена проблеме соотношения «литературных шаблонов» средневековой литературы и исторической реальности. Вопрос рассматривается на примере двух эпизодов из сербских Житий св. Са-вы, созданных в XIII в. Оба эпизода, представляющиеся обычно современной наукой как характерные примеры агиографического стереотипа, по мнению автора, не могут быть оценены столь однозначно.

Ключевые слова: средневековье; источниковедение; агиография; Сербия; средневековая литература; Жития св. Савы; литературные стереотипы

**THE “HAGIOGRAPHIC TEMPLATE”
AND HISTORICAL REALITY
(TWO CASES FROM THE VITAE OF ST. SAVA)**

S. V. Alekseyev

(Moscow University for the Humanities)

Abstract: The article deals with the relation between «hagiographic templates» of medieval literature and the historical reality of the time. This link is discussed on the example of two episodes from the Serbian Vitae of St. Sava written in the 13th century. Both episodes are usually viewed as typical examples of hagiographic stereotype, but as we prove in the article, they should not be judged in such a straightforward manner.

Keywords: Middle Ages; source studies; hagiography; Serbia; medieval literature; Vitae of St. Sava; literary stereotypes

Одной из наиболее часто поднимаемых проблем восприятия современным специалистом средневековой реальности является господство в литературе средневековья устойчивых «шаблонов» описания факта. При этом «трафарет», с помощью которого описывается окружающая и минувшая действительность, по распространенному мнению, вполне мог замещать собой факт. Средневековый писатель при этом воспринимается

* Исследование проводится при поддержке РФНФ (проект «Памятники сербской средневековой историографии XII–XVII вв.: перевод и исследование», № 13-01-00118а).

* The article was written with support from the Russian Foundation for the Humanities (Grant No. 13-01-00118a, “Monuments of Medieval Serbian hagiography of the 12th-17th centuries: Translation and publication”).

почти как «играющий в текст», как создающий из библейских парафраз и цитаций предшественников некую новую идеальную реальность. Руководствуется он при этом собственными литературными и философско-богословскими соображениями. Результат его деятельности, естественно, не может при этом восприниматься современным специалистом как тождественный «первичному миру».

Данная точка зрения, без сомнения, имеет свои основания. Средневековый автор, создавая историческое повествование, действительно старался «приблизить» описываемую реальность к священной истории. Это давало ему возможность продемонстрировать промыслительное измерение исторического процесса — в том числе в конкретных политических целях. Примеров тому приводилось в науке немало, в том числе из древнерусской словесности (см., напр.: Петрухин, 2006; Плотникова, 2008: Электр. ресурс). Однако для интерпретируемого через «шаблон» события в большинстве случаев отыскивается вполне соответствующая или не противоречащая данным иных источников историческая основа. Средневековый литературный этикет не творил новую небывалую историю, а прилагался к реальной.

Наиболее «трафаретными» из повествовательных жанров средневековой литературы считаются жития святых. Основания для этого также есть, и весьма веские. Не берясь опровергнуть саму по себе концепцию создания многих известных житий из «общих мест», представим в настоящей статье только два примера, — на первый взгляд, вполне типичных «общих мест». Источник — Жития первого сербского архиепископа, св. Савы Неманича (ум. 1236), созданные в XIII в. в монастыре Хиландар Доментианом и Феодосием. Представляется, что два приводимых примера демонстрируют две достаточно типичных «ловушки» для исследователя, просеивающего житийный материал по принципу «шаблонности».

Проданный архиепископ

В «Житии святого Савы» Доментиана при описании возвращения архиепископа через Афон из восточного паломничества в 1230 г. отмечает: «И оставшиеся из тех святых мужей на Святой Горе говорили мне, будучи самовидцами преславных дел его, что ангелом земным и небесным человеком именовали его». Среди прочего: «Другой раз, когда Божьим промыслом бывал во граде и оскудевало у него требующееся на раздачу убогим, то повелевал одному из служащих ему: “Веди меня на торг и продай меня за золото”. И многожды был продан, уподобившись Владыке своему, проданному его ради, поруганному и по ланитам ударенному, а собою купленное опять подавал неимущим» (Доментијан, 1865: 279–280).

Этот мотив неоднократно разобран на материалах еще византий-

ской агиографии. Он в гораздо более развернутом виде отмечен во вставном повествовании о св. Петре Мытаре из Жития св. Иоанна Милостивого. Естественно, что в современной науке утвердилось представление о фольклорном и «шаблонном» характере этого мотива (см., напр.: Византийские легенды, 1994: 248–24).

Это, конечно, не единственный аргумент против реальности описанной Доментианом ситуации. Маловероятно, например, чтобы архиепископ Сербии был «многожды» продаваем в качестве раба на торгу Фессалоники. Если бы в первый раз он и остался неузнанным, успешное повторение такой операции маловероятно. К тому же юридически, даже в политическом хаосе XIII в., речь для покупателя шла о прямом нарушении закона.

Однако есть и некоторые аргументы, побуждающие усомниться в однозначности решения вопроса. Прежде всего, Доментиан лично знал Саву, будучи одним из последних его учеников, и занимал высокое положение в афонской монашеской иерархии, являясь духовником монастыря Хиландар. Он действительно общался со многими свидетелями жизненного пути учителя и, очевидно, записывал их рассказы. Примеров благочестия Савы он и без того приводит немало, гораздо достовернее выглядящих. Добавление этого странного, краткого и для сербской агиографии вовсе не «шаблонного» рассказа (ни одного случая повторения!) выглядит нелогично.

Далее, как и во многих случаях критики литературных «шаблонов», следовало бы взять в расчет историко-психологический фактор. В данном случае — очевидный факт знакомства средневекового образованного человека с этими самыми «шаблонами». Сава ушел на Афон в юном возрасте, против воли родителей, и большую часть жизни искренне посвятил строжайшей аскезе. С другой стороны, еще в Сербии и после в афонских монастырях он получил достаточно внушительное образование, отразившееся и в его собственном литературном и каноническом творчестве. Не стоит сомневаться в том, что историю св. Петра Мытаря он знал — как и массу других благочестивых аскетических примеров, которым целенаправленно следовал. На самом деле нет достаточных оснований думать, что речь идет о введении «шаблона» агиографом, а не о поведении по «шаблону» его героя.

Была бы успешной попытка такого подражания? Из контекста рассказа Доментиана (упоминание об «одном из служащих») можно было бы заключить, что речь идет о жизни Савы на Афоне уже в архиепископском сане. Но на самом деле приурочивать эпизод(ы?) к довольно кратким пребываниям архиепископа на Афоне нет оснований. Речь о рассказах Доментиану старших подвижников, знавших Саву еще монахом и настоятелем на самой Святой Горе. Сава был довольно известным человеком

в Фессалонике, и вряд ли ему удалось бы продать себя «многожды». Но если дело было до обретения им архиепископского сана, в 1217–1219 гг., или еще до первого возвращения Савы в Сербию (1208 г.), то ситуация несколько меняется. Город с 1206 по 1224 г. находился в руках завоевателей-латинян, и византийское право в нем не действовало, что также следует учитывать.

Итак, при ближайшем рассмотрении описанный «трафаретный» эпизод уже не выглядит столь очевидным вымыслом. Он может являться таковым — но может быть и не менее вероятным примером подражания исторического персонажа известному ему литературному образцу.

Эпирская Далида

Во втором «Житии святого Савы», написанном в конце XIII в. Феодосием Хиландарцем, содержится следующий рассказ о свержении в 1233 г. короля Радослава, племянника святого: «Ненавидящий же изначально добро враг людей, дьявол, непокорством вооружил младшего брата на старейшего, — то есть Владислава на благочестивого Радослава-короля воздвиг. Ибо благочестивый Радослав-король, сперва во всем достойный похвал и изящнейший, после покорился жене, от которой и повредился умом; властели, негодуя из-за несостоятельности его ума, от него отступили и приложились к младшему брату его Владиславу; когда же начались между братьями ненависть и гонение за горькую славу королевства, святой много молил их о замирении и запрещал им, а не сумев никак их примирить, сказал: «Если от Бога вы действуете, воля Господня да будет». И вот король Радослав, изгнанный, в Драч-град прибегает. На зависть была красива лицом жена его, и немного дней спустя злонравной той и лукавой жены лишился, — второй Далидой, как первая у Самсона, так и эта своему прекрасному господину окаянной оказалась; захотелось ведь фругу великому, который обладал градом, ее у него отнять, и вконец его убить устремился; смертоносного же меча избежав, названный Радослав, изгнанный из королевства и лишенный жены, в совершенном недоумении к святому архиепископу как к своему отцу прибегает; святой же, приняв его с радостною душою, скорби его от брата и от лукавой жены вдоволь утешив, пожелал вражду брата с ним прекратить, — ангельским и иноческим образом его украсив, вместо Радослава именем Иоанн-монах его поименовав» (Живот ... , 1860: 177–178).

Этот эпизод не восходит к «Житию» Доментиана и в то же время передает подлинные исторические события. О свержении Радослава Владиславом свидетельствуют документальные источники (Зборник ... , 2011: 129–138). Правда, некоторые детали расходятся с повествованием Феодосия: так, Радослав бежал, по крайней мере вначале, не в Диррахий, а в

Дубровник. Главная же «деталь», которую опускает агиограф (возможно, из сербского патриотизма) — свержение Радослава произошло в результате вторжения болгарского царя Ивана Асеня II. Последний, разгромив тестя Радослава, эпирского царя Федора Комнина-Дуки, на Клокотнице в 1230 г., обратил оружие против Сербии. Здесь он вступил в союз с мятежным братом короля, Владиславом, за которого тогда или после выдал собственную дочь. «Повреждение умом» Радослава заключалось в том, что он поддерживал греческого тестя против победоносного болгарского соседа. В этом, конечно, сербская властела винила королеву-гречанку. Однако, при всех особенностях изложения, в целом сведения Феодосия подтверждаются другими источниками.

Тем не менее, повествование «Жития» было подвергнуто сомнению именно в той части, где рисуется негативный образ королевы. Сюжет стал рассматриваться как типичная средневековая история о «женской злобе», вставленная сочинившим ее агиографом в рассказ о подлинных событиях. Указывается на то, что королева приняла постриг вместе с королем или вскоре после него; на то, что «фруги»-латиняне в 1233 г. не владели Диррахием (Laskaris, 1997: 51–52).

Однако это тот случай, когда суждения о «шаблонности» носят несколько поспешный характер. Типичность некоего мотива для средневековой литературы как таковой не означает его вымышленности в каждом конкретном, индивидуальном примере. Прежде всего, для сербской оригинальной литературы истории о «женской злобе» вовсе нетипичны. Собственно, «историй» такого рода всего две: эта и изложенная болгаринном Гриорием Цамблаком (начало XV в.) в житии сербского короля Стефана Дечанского история клеветы на него мачехи, византийской царевны Симониды. Можно отметить, что в «Летописи попа Дуклянина», сохранившейся в латинском переводе и неизвестной сербским агиографам, имеется рассказ о жившей в XI в. королеве-злодейке Яквинте, итальянке по происхождению.

С другой стороны, совершенно типичен для сербской средневековой литературы образ «святой жены». Это, прежде всего, имеющие собственные жития святые королева Елена (XIV в.) и деспотица Ангелина (XVI в.), а также жена павшего на Косове князя Лазаря Милица-Евгения. Далее же — большое число почитаемых «святых жен» второго ряда, начиная с матери св. Савы Анны-Анастасии и кончая женой турецкого султана «царицей» Марой Бранковной. Итак, в конкретно сербском культурном контексте что-то «типичное» в истории жены Радослава найти трудно.

Упоминание библейской Далиды не только не подтверждает литературной «шаблонности» сюжета, но скорее подчеркивает ее отсутствие. Дело в том, что во всех оригинальных произведениях сербской повество-

вательной литературы средневековья Далида упоминается лишь трижды. Первое упоминание — у Феодосия; два других — у опирающихся на него при изложении истории Радослава двух сербских летописцев XIV и XVII вв. (Стојановић, 1927: 68–71, 203). В последнем случае непосредственным источником послужил Русский Хронограф, восходящий здесь к тому же Феодосию. Итак, и данная библейская параллель для сербской литературы типичной совершенно не является.

Это, безусловно, не значит, что начитанный, сознательно подражавший создателям греческих «житийных романов» метафрастовской традиции Феодосий не мог занимательности ради измыслить подобный сюжет. Однако это заставляет задуматься о том, какие основания имеются считать сюжет измышленным. В этом случае выяснится, что основания практически отсутствуют. Принятие королевой монашеского пострига после описанной Феодосием ситуации вполне возможно и по-своему логично. Оно не может служить аргументом ни за, ни против ее историчности.

Что касается «франкского» правителя в Диррахии, то Феодосий всего лишь экстраполировал в прошлое ситуацию своего времени. Он вводит в сербскую традицию сведения о целом ряде подтвержденных другими источниками исторических фактов (помимо свержения Радослава — смерть болгарского царя Калояна, битва на Клокотнице). Это свидетельствует о его неплохой исторической осведомленности, будь то из письменных или устных источников. Однако вероятное превалирование последних приводит к частным ошибкам. Так, Феодосий считает, что при поставлении Савы архиепископом Константинополем еще владели греки, в паре мест путает никейского императора Феодора Ласкаря с эпирским Феодором Комнином-Дукой. К такого рода ошибкам относится и характеристика правителя Диррахия как «великого фруга». Но нет никаких оснований предполагать, что Феодосий не передал добросовестно или относительно добросовестно дошедшую до него традицию о судьбе Радослава. Нет никаких оснований и вычленять рассказ о королеве-«Далиде» из достоверного повествования о свержении ее мужа.

Заключение

Рассмотренные агиографические сюжеты, как уже сказано, демонстрируют две возможных ошибки при анализе «шаблонных» на первый взгляд ситуаций. В первом случае мы имеем вероятность следования самого описываемого исторического лица литературному «шаблону» в реальном поведении. Это чаще всего недоучитываемая возможность при анализе ситуаций такого рода. Второй случай более специфичен, но аналогичные тоже встречаются довольно часто. Это пример некоторого предубеждения к средневековому памятнику, когда представления о

«предрассудках» его создателей по сути сами оборачиваются своеобразным научным предрассудком. В обоих случаях, как было показано, однозначные умозаключения в пользу неисторичности и «шаблонности» описываемого могут оказаться необоснованными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Византийские легенды (1994) / изд. подг. С. В. Полякова. М. : Ладомир. 304 с.

Петрухин, В. Я. (2006) Иеротопия Русской земли и начальное летописание // Иеротопия: создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М. : Индрик. С. 480–488.

Плотникова, О. А. (2008) Сакральный образ князя Владимира в системе средневекового «литературного этикета» [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 6 — История. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Plotnikova/> (дата обращения: 12.09.2015).

Доментијан (1865). Живот светога Симеуна и светога Саве / Изд. Ђ. Даничић. Биоград. XIX+345 с. (На сербск. яз.).

Живот светога Саве (1860) / Изд. Ђ. Даничић. Биоград. VII+219 с. (На сербск. яз.).

Зборник средњовековних ћириличких повеља и писама Србије, Босне и Дубровника (2011). Књ. 1. Београд : Историјски институт. 652 с. (На сербск. яз.).

Стојановић, Љ. (1927) Стари српски родослови и летописи. Београд; Сремски Карловци: Српска Краљевска академија. CVIII + 382 с. (На сербск. яз.).

Laskaris, M. (1997) Vizantijske princezeusrednjevekovnoj Srbi-ji: prilogistorij i vizantijsko srpskih odnosaodkraja XII dosredine XV v. Beograd: Pešić i sinovi, 1997. 160 s. (На сербск. яз.).

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель Историко-Просветительского общества «Радетель». Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 3. Тел.: +7 (499) 374-55-81. Эл. адрес: ipo1972@mail.ru

Alekseyev Sergey Viktorovich, Doctor of History, Professor and Chair, Department of History, Moscow University for the Humanities; Chair, Radetel' Historical and Educational. Postal address: 5 Bldg.3 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-55-81. E-mail: ipo1972@mail.ru